

СМОЛЕНСКИЙ ВЕСТНИК

1900, 28 ноября, № 262

с. 3.

Новая драма А.Чехова

На днях А.Чехов отделал последние детали последнего акта своей новой драмы "Три сестры".

"Три сестры" - шедевр произведений Чехова для театра, говорит сотрудник "Нов. дня". Я имел возможность познакомиться с "Тремя сестрами" и получил разрешение познакомить с ними своих читателей.

Конечно, приходится ограничиться лишь общими чертами. Самая пьеса такого характера, что обстоятельный с деталями пересказ ее - дело весьма мудреное, пожалуй, и невозможное. Потому что вся сила и интерес "Трех сестер" не в их фабуле /.../*

* Дословная перепечатка из "Новостей дня" /1900, 22 ноября, № 6289/

НОВАЯ ДРАМА А.П. ЧЕХОВА

На-днях Чехов отделал последние детали последнего акта своей новой драмы "Три сестры".

"Три сестры" — шедевр произведений Чехова для театра, говорит сотрудник Нов. Дня. Я имел возможность познакомиться с "Тремя сестрами" и получил разрешение познакомиться с ними своих читателей.

Конечно, приходится ограничиться лишь общими чертами. Самая пьеса — такого характера, что обстоятельный, с деталями, пересказ ее — дело весьма мудреное, — пожалуй, и невозможное. Потому что вся сила и интерес "Трех сестер" — не в их фабуле, которая, как всегда у Чехова=драматурга, незначительна, без сложных внешних перепетий, даже почти неуловима, и не в определенных, которые можно точно формулировать, моральных положениях, "идее", как любят говорить.

Весь великий интерес и покоряющая прелесть — в общей атмосфере, нравственной и бытовой, в какой живут три сестры Прозоровы и окружающие их, в колорите пьесы, еще больше в ее поразительно напряженном настроении. В этом отношении "Три сестры" — родная сестра "Дяди Вани" и "Чайки", так же, как и они подчиняют душу читателя, зрителя, обладают ее мучительной, острой тоскою. Потому что в "Трех сестрах" Чехов — глубокий пессимист, с пессимизмом безысходным, так сказать — непосредственным, завладевшим самыми недрами его души. Его пессимизм — не философский тезис, но искренний психический строй, точно сложившийся среди сумерек наших будней и скрашиваемый лишь глубоким поэтическим чувством: пессимизм не может убить лиризма...

С первого же явления мы знакомимся с тремя сестрами. Ольгой, учительницей гимназии, Машей женой учителя гимназии, и Ириной молодой, 20 летней девушкой. Они дочери генерала, год назад умершего; прекрасно воспитаны, образованы, с бла-

городными натурами, которых тянет к жизни светлой, разумной, содержательной. Хочется истинного и искреннего счастья и верится, что оно — не сказка миновавших лет, но возможно и теперь. За окнами — весна, и отблески ее в сердцах трех сестер, особенно Ирины. Но они уже десять лет живут в глухом провинциальном городе, и главная их мечта — поскорее вырваться отсюда на свежий воздух большого города. Москва, где они родились, где Университет, куда готовится профессором их старший брат Андрей, — вот главная их мечта. Москва для них, как для всей русской провинции — символ культуры, жизни осмысленной с полным незамедленным темпом. Места о Москве красной нитью тянется через всю пьесу. К ней возвращаются в моменты наиболее сумеречной сумятицы в прозоровском доме, и она даже для того, кто не намерен видеть в изображении Чехова обобщения русской жизни, невольно вырастает до значения широкого символа. И от того, что все лучшее в трех сестрах ушло в эту мечту о Москве, такую призрачную, обманчивую, для нас москвичей, давно растерявшую все свои пленительные краски — веет большой скорбью. Мечта бы обманула, если бы и сбылась. Но она и не сбудется. Она будет с каждым днем казаться все неосуществимее, и последняя красота жизни трех сестер, грезы и порыв, будут все вянуть и блекнуть под напором непобедимых мелочей жизни, глупого сцепления случайных фактов и общего мрака уныния. Сейчас, под влиянием проснувшейся весны, от хмеля юности, хоть младшей из сестер, Ирине, кажется, что загадка истинной жизни разгадана. Разгадка — в труде. "Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторг!.." Не одна Ирина думает так... В этом — последнее убежище многих от безнадежности. Ненадежное убежище. Во втором акте Ирина до усталости работает на телеграфе, в третьем — в земской управе, — но не дает этот труд "счастья восторгов". Все туже затягивается петля жизни. Тупая боль в голове, отчаяние в сердце. Образ Ирины — наиболее печальный в драме, потому что на нее особенно

тяжелыми ударами падают сумерки.

Они идут своим печальным чередом, принося маленькие внешние перемены в жизни героев пьесы и лишь сгущая общий колорит. Не даром один из персонажей "Трех сестер" любит мечтать о том, что будет через двести, триста, тысячу лет, как тогда устроится жизнь, как хорошо устроится... Как должна быть безнадежна и безысходна действительность, когда утешаться надо розовыми перспективами на расстоянии тысячелетия.

Вокруг сестер несколько весьма характерных фигур, подернутых все тою же дымкой уныния, то разрезающегося до грусти, то сгущающегося в тупую тоску. Подполковник Вершинин, которому принадлежат мечты о золотом веке через столетия, у которого жена неоднократно травится, чтобы досадить мужу, и которому суждено пробудить какую-то нескладную, надрывную любовь в сестре Маше, жене ограниченного, глупо самодовольного учителя Кулигина; поручик барон Тузенбах, который силится быть оптимистом, но от его оптимизма всей жизнью, и который влюблен в Ирину, молчит о счастье сделаться его женою, штабс-капитан Соленый, тоже страдающий в любви к презирающей его Ирине, застенчивый, нескладный; военный врач Чебутыкин, забывший и азбуку медицины, запойный пьяница.

Все-те русские люди, которым, говоря словами одного из персонажей этой же пьесы, "в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, а в жизни они хватают так невысоко."

Брат трех сестер женится на ограниченной, провинциальной барышне, *terre à terre*, легкомысленной, неверной жене, но сметливой, умеющей понемногу прибрать дом к рукам. И тупое уныния еще более нависает над ним. Муж все более затягивается тиной будней. Вместо московской профессуры тоска по несбывшейся мечте, по неудавшейся славе, да усиленный картеж, да плачущая скрипка в минуты, когда особенно остро почувствуется действительность.

Ольга все больше надывается в гимназии, Маша наиболее грубая, но и наиболее цельная из сестер, все ниже сгибает-

ся, все больше захлебывается в слезах и желчи от двойного гнета — нелюбви к мужу и любви к полковнику. Ирина все сильнее блекнет в своих лучших порываниях, мечется в тоске, — и ото всех все дальше уходит мечта — Москва. Вершинин все тоскливее мечтает о том, что будет через тысячу лет. Тузенбах все беспомощнее спорит с ним и бодрит себя вином, Соленый все сумрачнее влюблен в Ирину. И изо всего получается все более угнетающая, нелепая нескладница будничных столкновений из-за комнаты, денег, прислуги.

Бессмысленность жизни, — вот главная тема пьесы. И не может быть в ней смысла, — вот печальное резюме.

— А смысл, — спрашивает Маша.

— А смысл? Вот снег идет. Какой смысл?

Разве что — "В Москву, в Москву, в Москву!", как кончает Ирина 3-й акт пьесы. Но жизнь уходит, и "никогда мы не поедem в Москву!", — как говорит та же Ирина в другом месте и ее символ веры — о труде уже сменился другим: "Я ненавижу, я презираю труд"...

Развязка — такая же нескладная на вид, но глубоко правдивая, с нелепым выстрелом Соленого в барона, не разрезающем, но еще сгущающем атмосферу тоски, не рассеивающим, но усугубляющим кошмар жизни.